

«Льву Толстому было проще...»

В середине марта в Челябинске побывал **Захар Прилепин**. Это уже третий кряду, после Сергея Шаргунова и Романа Сенчина, визит известного писателя, организованный Александром Поповым и Нелли Пащук (физико-математический лицей № 31). Авторы, составляющие ядро современной русской литературы, приезжают для того, чтобы дать лицеистам уроки словесности «от первого лица». Главный редактор **БФ** Юрий Шевелев в беседе с героем старался проследить, могут ли быть созвучны мысли молодого писателя сентенциям великого Льва Толстого.

Не-любитель тусовок

Ю.Ш. Хочу через вас преломить некоторые толстовские послы. Как известно, он был весьма переменчивым человеком и, может, стремясь оправдать себя, однажды записал: «Стыдно не меняться». А вам стыдно?

З.П. Чтобы всерьез говорить про себя такие вещи, надо обладать толстовским мужеством по отношению к жизни. И потом, толстовские изменения мы в полной мере не можем постичь, потому что Толстой — офицер, Толстой — создатель «Войны и мира» и Толстой эпохи ухода из семьи — это три разных человека.

Ю.Ш. Да, Павел Басинский в «Бегстве из рая» описал, как Толстой два раза менялся «вдруг», а третий раз, перед смертью, всего на две недели. Но все равно эта третья перемена — целая эпоха. Но он и в текущей жизни был весьма переменчивый. Недаром Софья Андреевна сетовала, что он занимается только тем, что ему хочется и интересно в данное время: то сапоги шьет, то детей учит, то пашет. Эти перемены всегда вызывали в нем драйв и максимальную самоотдачу.

З.П. А если б этого постоянного напряжения и движения не было, он бы раньше ушел. Есть люди, которые именно так и бегут по жизни, Дюма, например... Но у меня на сегодняшний день нет толстовского самоощущения необходимости кардинальных перемен. Осознание жизни у меня в 15 лет и в 35 примерно одинаковое. Конечно, понимание многих вещей большее. Но я не ощущаю себя каким-то другим человеком — вплоть до физиологических изменений. Пока я чувствую то же самое тело и те же ощущения от жизни, что и лет двадцать назад. Не знаю, как будет дальше. В 35 лет Толстой тоже еще не менялся.

Ю.Ш. А что насчет жадности к жизни, скажем, как у ребенка при рождении?

З.П. Да, жадность к жизни, безусловно, есть, но она не чрезмерная. Я наблюдаю других писателей и вижу у многих колоссальное любопытство к жизни. Вот один из них пишет мне, сетуя, что из-за инфаркта не может поехать на какой-то фестиваль в Финляндии. И я думаю: ему любо-

пытно поехать, посмотреть, поговорить, а вот я с удовольствием никуда бы не ездил, ни по каким мероприятиям. Но приходится, надо продвигать свои книги, это моя работа. Вообще я, скорее, созерцательный тип, просто смотрел и молчал бы чаще, чем говорил. Я не настолько умен, чтобы без конца разговаривать. Тут совершенно другой способ познания жизни. Толстой тоже, кстати, набегался в свое время, но потом все самые страшные и самые любопытные процессы происходили у него в голове. Он никуда не желал уходить из своей Ясной Поляны. Даже не хотел переезжать в Москву, когда дети там учились.

Жизнь духа и жизнь государства

Ю.Ш. Другой толстовский посыл: «Пострадать бы». Как глубоко он уходил в страдание! Например, моему поколению, крепко всосавшему советскую доктрину о коммунизме, как светлом будущем человечества, долгое время было органично позитивное отношение к жизни. И этот врожденный позитивизм, несмотря на то, что я взросло и вижу, как все апокалиптически удерживает меня от склонности к депрессии. А вот для вас. Насколько это страдательно?

З.П. Не скажу, что я физически страдаю. Я, скорее, рационально переживаю все происходящее с нами, понимая, что это приведет к очень дурным последствиям. Но как человек со своим внутренним складом и физиологией я ощущаю себя прекрасно. У меня дети, семья, я успешен, совершил в жизни все, о чем моя мама могла только мечтать. Даже задачи, которые я себе не ставил, реализовались всего в течение семи лет. Мне радостно смотреть вокруг себя. А все происходящее со страной — это другое. И переживания, не за себя, а за детей. По большому счету им придется разбираться всерьез с теми проблемами, которые мы им оставим. Не уверен, что они справятся. Понимание того, какой крошечный ужас им предстоит, побуждает меня об этом говорить и участвовать.

Ю.Ш. Я существенно старше вас и могу признаться, что если в 35 и даже в 45 лет во мне жили иллюзии, что я как-то изменю этот мир, то теперь точно осознал — не изменю. Думаю, это главная перемена в моей судьбе. Мне остается одно — построить и укрепить царство божие внутри себя.

З.П. Я понимаю, что люди во власти, которые, условно говоря, «правят миром», не изменяются ни при каких обстоятельствах. Они из волков не превратятся в агнцев. Но про себя скажу, что лучше бы я не терял надежду, что изменю мир. Я бы не отделял царство божие внутри себя и какую-то гармонию вне себя. Это взаимосвязанные вещи, которые могут в одном человеке совмещаться. Жизнь духа нисколько не противоречит участию в жизни государства.

Гусары не пишут

Ю.Ш. Лев Николаевич утверждал, что истинная сила человека не порывах, а в нерушимом спокойствии.

З.П. Толстой, как Розанов, нередко произносил вещи противоположные по толку. Уже будучи пожилым человеком, он глубоко разочаровался в государственности, в церкви, в межполовых отношениях, в слабостях человеческих, например, к алкоголю. Он переживал, злился, писал тексты какие-то, уходил в одиночку куда-то далеко, и возвращался с этих прогулок в самых расстроенных чувствах. Софья Андреевна пыталась его: «Ну, что с тобой?» А он в ответ: «Все плохо, человек ничтожен...» Но однажды возвращается веселый, просветленный, на удивительном подъеме. Жена вопрошает: «Левушка, что случилось?» — «Представляешь, иду по полю, навстречу — два гусара». — «И что?» — «Пьяные, расстегнутые, аксельбанты висят в разные стороны». — «И что?» — «Говорят о бабах». — «И что?» — «Молодцы!» Вот в этом Толстой. Он неизмерим. Можно без конца в него нырять.

Ю.Ш. Но до самых глубинных истин не доберешься.

З.П. Да, наверное.

Ю.Ш. С другой стороны, я чувствую и уже вижу новую генерацию молодых русских авторов, способных на многое. Даже напрашивается параллель с Серебряным веком. Может, стрессы, связанные с переходом через грань веков, тем более, тысячелетий, вызывают мощный энергетический «выхлоп». Но я все-таки исхожу из того, что человек берется писать, если у не внутри что-то не то. Гусары не пишут. И нет нужды писать тем, у кого уже есть внутри царство божие. Поэтому пишут те, кому позарез нужно изжить этот внутренний дискомфорт.

Значит, и у вас он есть, хотя вы успешный, и семья большая, и мама жива...

З.П. У меня был слом в 1993 году, когда ушел из жизни отец. Мне тогда было 18 лет. Я до сих пор переживаю и разговариваю с отцом. Он снится мне, но редко, раз в три года. Все пытаюсь до чего-то докричаться.

Рублевка кашкой не насытится

Ю.Ш. У меня, как и у жены Лужкова, которая теперь изредка заглядывает в Москву, возникает ощущение, что столица оккупирована всякими чиновниками и миллиардерами. Их, кстати, в Москве сейчас больше, чем в любом другом городе мира. Как вам эти золотые тельцы? Раздражают?

З.П. Я не скажу, что чувствую к ним страшную физическую ненависть вплоть до жажды их уничтожения. Я вообще не испытываю таких острых чувств ни к кому: ни к миллионерам, ни к «единороссам», ни к Путину. Правда, в юности я мучительно переживал процессы реформации в России. Когда слушал Сванидзе, мечтал влезть в экран и порвать его на части. С тех пор это чувство израсходовалось. Да, я знаю, что существующий порядок вещей непригоден для жизни моих детей в этой стране. Но физической ненависти нет. Я даже с частью миллионеров, что называется, на короткой ноге и бываю у них на Рублевке. По-человечески я понимаю их самоощущение. Они получили шанс заработать сверхденги и заработали. И ни у кого не хватит воли сказать: мол, я отказываюсь от своего состояния, мое положение в бизнесе и в мире нелегитимно. Заберите все, я полное ничтожество. Человек всегда, так или иначе, занимается самоубеждением. Да, я много заработал, потому что были такие правила. И почему это я должен все раздать?

Ю.Ш. Вот он заработал и, грубо говоря, тело пристроил, а с возрастом-то даже в теле происходят какие-то физические изменения. Хочется уже не мяса, а простой кашки...

З.П. Нет, кашкой они не насытятся. Они постоянно и напряженно увеличивают свой бизнес, не останавливаясь ни на секунду. Просто жизнь у них опустеет, если они прекратят это движение. Один из самых больших и неразумных мифов российского народа о том, что эти люди во власти или в бизнесе уже наворовались, поэтому других не надо, другие придут и тоже будут воровать. Полная чушь. Наворовавшиеся воруют в математической прогрессии. Пилят, пилят и пилят. А как только их выбрасывают из этой

жизни, они ощущают страшную тоску. Думаю, те же Березовский и Гусинский испытывают колоссальный стресс. Им хочется вновь и вновь участвовать во всем этом круговороте власти и денег.

Ю.Ш. А Толстой-то устал от коловращения, с возрастом ему уже было противно всякое внимание к себе, притом что и в старости он отвечал на 35 писем в день.

З.П. Да, он много встречался и разговаривал с людьми, не переставал писать сложные книжки и сочинил огромное, безумное количество текстов. Нет человека в России, который бы все их прочитал. Даже Шкловский признавался, что он не прочитал всего Толстого.

Писатели — сволочи, хорошо живут

Ю.Ш. Ребят, которые гонятся за властью и деньгами, вам не жалко? Ведь они все равно придут к пустому корыту.

З.П. Они не придут к пустому корыту, потому что никто из них не Толстой. Люди так и живут с этим ощущением гонки. Другой вопрос, когда в общении с Петром Авеном, одним из богатейших людей России, я вдруг с огромным удивлением узнал, что — и он не лукавил — для него было бы важно написать книгу. Он искренне признался, что очень хотел бы быть писателем. И существование в этой ипостаси кажется ему огромным путешествием, очень любопытным. Мы в дружеских отношениях и с Аликом Кохом, тоже не бедный человек.

Ю.Ш. Он же со Свиноаренко написал четырехтомник «Ящик водки».

З.П. Да, его писательские амбиции я всегда чувствовал. Он очень хочет транслировать какие-то смыслы. Для него это любопытней, чем зарабатывать миллионы. Там он все уже умеет. Эти люди гуманитарной культуры, и они хотят пребывать в самых разных ипостасях. Им это кажется важным.

Ю.Ш. Я к тому и подвожу. Почти все искусства жизни кратковременны, преходящи, а то дело, которому вы служите — Перо — круче всего.

З.П. Может быть и так. Про все мы узнаем уже там. Я своим делом доволен. Но деньги мне не мешают, я к ним хорошо отношусь, если они ко мне приходят законным путем, я не буду говорить, что это блажь или зло. У меня семья большая.

Ю.Ш. Я тоже не верю в безалаберность при обращении с деньгами. Когда они появляются, человек сразу начинает отслеживать их ход. Да, Толстой мог позволить себе все свое имущество отписать Софье, включая авторские права на издания. И

кстати, в последние годы, как трактует Басинский, он чувствовал себя в родном имении как бы нахлебником...

З.П. Дело в том, что Толстой не знал чувства бедности, и не переживал, что его дети останутся голодными. А я при всех своих мифических успехах точно знаю, если в течение месяца не сделаю то-то и то-то, через два месяца моим детям нечего будет есть. У меня нет никаких сверхдоходов. Толстому в этом смысле было все-таки проще.

Ю.Ш. У вас сколько детей?

З.П. Трое.

Ю.Ш. Для писателя иметь столько детей — это вызов обществу.

З.П. Да, люди скажут про нас: хорошо живут, сволочи — писатели.

Ю.Ш. Кстати, о писателях. Сергей Шаргунов побывал в Челябинске и потом отписал на сайте «Эхо Москвы», что город показался ему мрачноватым, но в нем пока есть «уроды», которые еще во что-то верят и что-то делают. Какие у вас впечатления от поездок по стране, от пространства российского?

З.П. В последнее время я был во Владивостоке, в Брянске, в Калининграде и вот в Челябинске. Практически от края до края. Впечатление такое, что уровень осознания происходящего в стране высок, как вы выразились: подобные «уроды» есть в каждом городе. Пять, десять, сто человек, которые отдают себе отчет в том, что происходит, не испытывают иллюзий по отношению к действующему порядку вещей. И язык, на котором разговаривают люди, везде похож. Такое огромное пространство, а базовые понятия, константы у всех общие. В этом смысле страна не разделена. Она разделена политически, географически, а эмоционально, ментально — единое пространство.

Ю.Ш. Вы провели несколько уроков в физико-математическом лицее, насколько это интересно?

З.П. Интересно. Сложность в другом. Есть дети обеспеченных родителей и дети родителей, относящихся определенным образом к жизни. А тут приезжает какой-то непонятный дядя и начинает говорить вещи, противоположные тому, что говорит отец. Дети удивляются. Многие из них привыкли ощущать себя некой срединной частью пространства, центром земли, вокруг которого все должно вертеться. А я вдруг говорю им, что у них есть какие-то обязательства. К сожалению, нынешний ребенок часто думает, что он существует сам по себе и никому ничего не должен. ☞